

Театральные были Золоченый ГУЛАГ

В годы моего гитисовского ученичества я жил у тетки по адресу: Пушкинская улица, дом 4/2, квартира 34. Окна ее комнаты выходили как раз на Большой театр. Ну и что, казалось бы, из того? Большой театр и теткина квартира — какая связь? А связь, оказывается, была. Для того чтобы прописаться по временному студенческому жильству, надо было пройти такое количество инстанций, которое и не снилось даже привыкшему ко всему советскому человеку.

Это был особый дом. Здесь жили артисты Большого театра, на нем сегодня — памятные доски. Чего, казалось бы, бояться милиционерам и разным другим охранникам? Но всегда, когда я возвращался домой, меня останавливали и останавливали. Куда? Зачем? Документы. Прописка. Опять эта прописка. Ее рассматривали чуть ли не в лупу, поднимали на свет, передавали друг другу в руки.

И вот однажды, когда тетка, хороший детский врач, была на дежурстве и я оставался полновластным хозяином в наших с ней десяти метрах, мне пришла фантазия, как теперь говорят, «покайфовать». Я открыл окно, разложил на подоконнике папиросы «Беломор», яблоко и книгу Станиславского «Моя жизнь в искусстве». Сев на подоконник, я рассеянно созерцал Театральную площадь. И вдруг в дверь раздались страшные тревожные звонки; такие звонки, которые тогда знали и ждали все, когда нельзя не открыть и нельзя открыть; когда подгибаются ноги, когда прощаются с близкими. Бросив «Беломор», яблоко и Станиславского, я как в полусне двинулся к двери. За ней стояла милиция.

«Ты кто? Ты что?» — осипшими от ужаса голосами спрашивали они. «Что задумал? Что делал? Где другие заговорщики?» Моему изумлению не было предела. Объяснив им, что я ем яблоко, курю «Беломор» и читаю Станиславского, один в квартире, я стал ждать дальнейших распоряжений. Они поверили худому очкастому студенту. «Закрой окно, никогда не открывай его, близко не подходи к нему!» — произнесли они, удаляясь.

Я закрыл окно, но, само собой понятно, стал глядеть в него из глубины комнаты. И тогда я увидел, как из машины выскочили вооруженные люди в чем-то темном, в чем-то военном, в чем-то кожаном и составили живой коридор, по которому одновременно медленно и быстро, опустив голову и глядя только под ноги, шел сам Иосиф Виссарионович Сталин. Как видно, он шел смотреть спектакль в Большой театр. И я уже тогда, ни в чем еще не искушенный, подумал: неужели так ходят в театр, и что можно потом там увидеть, чему обрадоваться, если ты идешь, закованный в страх, если ты не можешь посмотреть на небо, на улицы, на людей, если вокруг только каменные лица охраны?

Много позже, раздумывая над этим коротким эпизодом моей жизни, оставившим, конечно, неизгладимую по себе память, я сдалал такое образное сравнение: даже и сам Большой театр был ГУЛАГом, раззолоченным ГУЛАГом. Там словно в клетке сидел сам Сталин. Он не смел двигаться, его не смели видеть, через занавеску людям показывались только его руки, аплодирующие руки. Он сам будто был арестован собой.

А теперь, я так понимаю, новому правительству не до театра. Что-то не слышал я, чтобы они посещали Большой — ни под охраной, ни без. А может быть, действительно, теперь это театр людей и для людей?!

Владимир ЭУФЕР.

Восм. - С. 7
1995 -
Моск. М.
Отеч.